Дискурс образования в романе «Евгений Онегин»

Пугач Вадим Евгеньевич – канд. пед. наук, доцент Института педагогики Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Петербург) v.pugach@mail.ru

Аннотация. *В статье через педагогическую оптику рассматривается текст романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин». В центре внимания автора – отношение А.С.Пушкина к различным образовательным формам и их роли в воспитании на примере образов ключевых героев – Онегина, Ленского и Татьяны.*

Ключевые слова. *Формальное образование, воспитание, образовательная среда, самообразование, романтизм, сентиментализм, чтение.*

В ранее опубликованной статье мы уже писали об отношении А.С.Пушкина к образованию и его различным формам, и, продолжая размышлять на эту тему, оттолкнемся от вывода, который в ней сделан: «…то, что пушкинская ирония направлена на институции образования, то, что гувернерское образование, как и мнимая образованность "общества", всерьез автором не воспринимается, это совершенно точно. И в случае Онегина в первой главе таким объектом иронии становится иезуитское (или псевдоиезуитское) воспитание. В дальнейшем авторская ирония коснулась и "германского" образования Ленского, и сентиментальных романов, на которых выросла Татьяна. И этот иронический дискурс во многом задал тон "антипедагогической" тенденции в русской литературе XIX века» [1, с. 65].

Надо отметить, что при неизменно отрицательном отношении к регулярному, формализованному образованию саму идею образованности Пушкин сомнению не подвергает. Мы не хотим, чтобы составляющие этого тезиса повисли в воздухе. Поэтому сразу ответим на вопрос: а как же пушкинский культ Лицея? Ведь поэт получил именно регулярное образование. Дело в том, что основой лицейского культа стало не само образование, а уникальная образовательная среда, которая после окончания курса пушкинским выпуском в Лицее очень быстро изменилась, можно сказать, выродилась. Кстати, Александр Пушкин был одним из самых неуспешных учащихся первого выпуска: «за 1816 год, т.е. за 4 месяца до выпускных экзаменов», он «получил несколько нулей и даже в "российской поэзии" единицу» [2, с. 84]. Блестящее выступление перед Державиным состоялось ранее, в 1815 г., и было запомнившейся кульминацией, но не итогом; итог же в 1817 оказался более чем скромным. По пяти предметам (истории, географии, статистике, математике, немецкому языку) Пушкина, по сути, не аттестовали (сейчас такие оценки означали бы справку о прослушанных курсах), однако сам он очень рано оценил возможности образования в среде. Из неформального общения с лицейскими друзьями, а затем – с Карамзиным, Жуковским, Вяземским и даже веселой гусарской компанией (Каверин, Молоствов и др.) он извлекал больше, чем во время школьных занятий, к которым относился, по свидетельству своего брата, «небрежно» [2, с. 84]. К тому же Александр Сергеевич много читал: самостоятельное чтение стало вторым главным источником его образованности.

Интересно, что легкость, с которой А.С.Пушкин (и его герой Онегин) извлекают образование как бы из воздуха, обманула Д.И.Писарева. Критик блестяще владел

иронией, но, похоже, пушкинской иронии в «Евгении Онегине» оценить не сумел. Цитируя строфу о чтении Онегина из первой главы (XLIV), он забывает соответствующие строфы из главы седьмой (XXII – XXIII), исключающие им же данную оценку онегинского чтения: «Онегин – человек безнадежно пустой и совершенно ничтожный» [3, с. 314], «в его распоряжении находилась вся европейская литература XVIII века, а он сумел только задернуть полку с книгами траурной тафтой» [3, с. 315], он вообще не человек, а «эмбрион» [3, с. 313].

Взглянем на ту строфу, в которой Татьяна рассматривает онегинские книги:

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
<…>
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

Пожалуй, пушкинская характеристика Евгения Онегина («резкий, охлажденный ум») соответствует этим строкам больше, чем писаревская. Онегин не просто читал, не понимая, и, не понимая, скучал. Он вступал в активный диалог с культурой: спорил с авторами, сомневался. «Резкая» отметка онегинских полированных ногтей (вспомним, как выглядел мизинец самого Пушкина) – следствие немалой работы его «резкого» ума. Конечно, Писарев не мог знать черновиков, где авторы перечислены, – их полтора десятка в одной строфе. В беловом тексте романа тоже много писательских имен, учтем и их. Но у нас есть возможность заглянуть в черновики. Посмотрим на это перечисление:

Юм, Робертсон, Руссо, Мабли
Бар<он> д`Ольбах, Вольтер, Гельвеций,
Лок, Фонтенель, Дидрот, Ламот,
Гораций, Кикерон, Лукреций [4; с. 498].

Причем речь идет о книгах, которые Онегин зачислил в «избранные тома», возил их с собой. Английские, французские, древнеримские писатели, историки, философы… Онегин их не просто прочитал (прочитал он много больше, упоминаемые в романе имена – только верхушка айсберга), но по-настоящему штудировал. Критика книг, надоевших Евгению, относится к этим авторам, дается в его оценке. Чтобы сказать «И устарела старина, / И старым бредит новизна» [5, с. 20–21], нужно было связать материализм Лукреция и Дидро, теории мышления Локка и Юма, обстоятельные латинские периоды Цицерона и французские – Руссо. Надо полагать, постоянная работа мысли происходила у Онегина параллельно с прогулками, обедами, балами и театром.

Писарев был дворянином, но демократом; он не просто исповедовал культ труда, а делал это демонстративно. Аристократу первой половины XIX в. трудиться зазорно; образование он получает играючи, между делом. Дело для него – светская жизнь. Какой красавице пушкинской эпохи, хозяйке блестящего салона, хотелось бы признаться в том, что она «синий чулок»? Из-за таких не стреляются поклонники, а Пушкин таких называет «семинаристом в желтой шале» и «академиком в чепце» [5; с. 52]. Кому из великосветских остроумцев пришло бы в голову предстать перед людьми своего круга трудягой-ученым, корпящим над книгами? В таком случае в «хорошем обществе» можно прослыть потешным чудаком. Славу аристократу приносит его имя, а честь – количество любовных побед, дуэлей и прокученных состояний. Подлинная интеллектуальная жизнь Онегина ускользнула от внимания Писарева.

Итак, в пушкинском романе мы вовсе не видим отрицательного отношения к просвещению – напротив, Пушкин высоко оценивает критическое мышление Онегина, воспитанное внимательным чтением литературы эпохи Просвещения и современной ему романтической лите-

ратуры (Констана, Байрона, Метьюрина). В отличие от тургеневского Базарова, который отрицает литературу и философию, не зная ни того, ни другого, Онегин, если уж что-то и отрицает, то есть задергивает книжную полку «траурной тафтой», то производит это с большим знанием дела. Нам кажется, духовные запросы Онегина были несколько выше того, что могли предоставить эпоха Просвещения и разочаровавшиеся в идеях просветителей романтики.

Посмотрим, как обстоят дела с образованием у других важных героев романа – Владимира Ленского и Татьяны Лариной.

Только Ленский из тройки основных героев получает регулярное университетское образование. Кстати, в романе уже мелькнул однажды персонаж, учившийся в Геттингене, – гусар Каверин, тот самый, что в первой главе ждал в ресторане к обеду Онегина [6; с. 182]. Однако про отношение Каверина к образованию в пределах романа мы ничего не знаем, Пушкин ограничивается гастрономической частью биографии друга своей молодости. О подтексте обучения в Геттингене сообщает в своих комментариях к роману Ю.М.Лотман [6, с. 182]. Но нас сейчас больше будет интересовать канонический текст, в котором амбивалентно сочетались симпатия Пушкина к «вольнолюбивым мечтам», «ко благу чистая любовь», и «прелесть важной простоты» в стихах («песнях») самого Ленского, и авторская ирония по отношению к северному изводу романтизма, который, как, впрочем, и «южный», был Пушкиным уже пережит. В образовании Ленского Кант (а также Шеллинг [6, с. 182–183], но пока еще не Гегель) занимает место Вольтера, Руссо и Дидро, а Шиллер и Гете – место Байрона и Констана. Если ключевая позиция Евгения Онегина по отношению к культуре и жизни – критика, то у Владимира Ленского первенствует восторженность. Собственно, Онегину в друге симпатично именно это некритическое восприятие идеала, как бы прозревание идеала в бытовых вещах. Конечно, смешно ему слышать от высокого идеалиста Ленского реплику о плечах и груди Ольги [5, с. 74], но Владимир тут же говорит и о душе возлюбленной, не противопоставляя условно высокое условно низкому. Его эротическое чувство ведет к поэтизации любви. Для самого Пушкина это характерно в высокой степени, хотя, конечно, пушкинская поэтика несравнима с поэтикой эпигона романтизма Ленского.

Вообще кантианство Владимира Ленского вызывает определенные вопросы. Безотчетная восторженность отнюдь не была свойственна «беспокойному старику Иммануилу», вспомним хотя бы названия работ И.Канта («Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения»), а также тот сокрушительный удар, который он произвел по томистским[1] доказательствам божьего бытия («Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога» и «Религия в пределах только разума»). Создается впечатление, что Шеллинг и Шиллер Ленскому существенно ближе, чем Кант.

Какое отношение все эти соображения имеют к образованию? Самое прямое: не отрицая в лоб образование Владимира Ленского, то есть, не критикуя немецкую университетскую практику, Пушкин показывает некоторую пародийность результата, достигнутого этим героем романа. Этот результат – следствие усвоенного в Геттингене романтического мировоз-

[1] *Томизм* (от лат. Thomas – Фома) – направление в схоластической философии и теологии католицизма, основные идеи которого изложены в трактате Фомы Аквинского «Сумма теологии». Доктрина томизма выступает не столько учением о догматах веры, сколько учением о способах постижения этого учения посредством разума.

зрения. Некоторые образцы прямой речи Ленского – его мысли [5, с. 97] и предсмертные стихи [5, с. 99] – вызывающе пародийны. Мы далеки от того, чтобы утверждать, что на основании этой пародийности можно делать вывод об отрицании Пушкиным геттингенского университетского образования и тем более университетского образования вообще, но очень трудно отделаться от ощущения, что пушкинская ирония, густой тенью покрывающая образ Ленского, ложится и на то, что этого героя сформировало. Дуэли и гибели Ленского Пушкин посвящает несколько великолепных трагических строф, в которых картина смерти молодого поэта представлена и в стилистике персонажа, и в стилистике собственно пушкинской.

Глава 6, строфа XXXI [5, с. 102]	Глава 6, строфа XXXII [5, с. 103]
Его уж нет. Младой певец Нашел безвременный конец! Дохнула буря, цвет прекрасный Увял на утренней заре, Потух огонь на алтаре!..	Теперь, как в доме опустелом, Все в нем (в сердце поэта – В.П.) и тихо и темно; Замолкло навсегда оно. Закрыты ставни, окны мелом Забелены. Хозяйки нет. А где, бог весть. Пропал и след.

Наверное, можно сказать, что пушкинское отрицание романтизма отливается в пулю Онегина. И под эту пулю Ленский подставился именно потому, что не в состоянии адекватно воспринимать реальность. Неадекватно реальность воспринимает и Онегин, убивший друга, и та же пуля – символ и средоточие этой неадекватности. Картина мира Ленского лишена полутонов: он увидел в Онегине злодея. Эта картина мира заставляет Ленского (как в свое время Дон-Кихота) воевать с чудовищами там, где их нет. Картина мира Онегина, почерпнутая из общения в светской среде, вынуждает его пойти на убийство. И то, и другое – результат воспитания, не пошедшего во благо воспитанникам.

Закончим эту часть рассуждения цитатой из Гоголя, сетующего по поводу женского воспитания: «Конечно, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий, кроме продолжительных поцелуев и сюрпризов <…> Но все это предметы низкие, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастия семейственной жизни, фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов» [7, с. 27]. Как-то без пиетета относились русские писатели к регулярному образованию…

Перейдем от гоголевского высказывания к теме женского образования в пушкинском романе. В основе образования Татьяны – «три источника, три составных части»: фольклор («… страшные рассказы / Зимою в темноте ночей / Пленяли больше сердце ей» [5, с. 37]), природа («Она любила на балконе / Предупреждать зари восход…» [5, с. 37]) и чтение («Ей рано нравились романы…» [5, с. 37]). На каком языке она читала не только Руссо, но Ричардсона, становится ясно из языка ее письма: разумеется, по-французски. В.В.Набоков в своем комментарии к роману неоднократно утверждает, что сам А.С.Пушкин читал европейскую литературу только по-французски, поэтому много места уделяет французским переводам прочитанных английских и немецких авторов, читанных Пушкиным. Это набоковское замечание

имеет смысл перенести и на пушкинских героев.

Но кто учил Татьяну французскому? Ни о каких гувернантках не сказано ни слова, какой-нибудь двойник мосье Трике тоже не упомянут. Остается мать Татьяны, которая, конечно, должна была знать французский по своей московской юности (при этом «Она любила Ричардсона / Не потому, чтобы прочла» [5, с. 38]), но методика обучения дочери тоже остается за рамками текста. Самая правдоподобная версия – обучение Татьяны с детства в диалоге с матерью. Едва ли приходится сомневаться в эффективности такой, по слову Я.А.Коменского, «материнской школы». И тут возникает соблазн процитировать один из тезисов Коменского: «Как маленькие растения, выросшие из своих семян, пересаживают в огород, чтобы они лучше росли и приносили плоды, так и детей, воспитанных под покровом матери, укрепившихся умственно и физически, для лучшего роста нужно передавать на попечении учителей» [8, с. 87]. Стоит ли говорить, кто оказался таким «учителем» для Татьяны? И надо признать ее редкие способности к обучению.

И, возвращаясь к «трем источникам», приведем еще одну цитату: «Руссо <…> считал, что воспитание получают из трех источников: от природы, от окружающих людей и от вещей» [9, с. 48.]. Мать Татьяны интуитивно воспитала ее в руссоистском духе. Природа – не в школьном, а в широком смысле – дала ей ум, интуицию, чувство прекрасного, женственность, связь с народной традицией. Мать, няня Филипьевна («страшные рассказы / Зимою в темноте ночей», надо полагать, на ее совести), подруги (вероятно, дети дворни, позже – сенные девушки), Ленский и Онегин, московское и петербургское общество последовательно способствовали формированию вкуса, такта, манер. На месте «вещей» оказались книги. Книга – посредник, открывающий окно в виртуальный мир вещей – даже не руссоистских, а протагоровских, мерой которых является человек. Вспомним: «Человек есть мера всех вещей в том, что они существуют, и в том, что они не существуют» [10, с. 56]. Человек, чья специфическая особенность – обмен текстами с другими людьми, не в состоянии из маленького мира хорошо знакомых ему вещей составить картину вселенной. Такой картиной нас обеспечивают книги (Коменский прекрасно это понимал, когда писал свои учебники). У этого обстоятельства, как у всякой вещи, две стороны. В результате поглощения книжных текстов мы формируем внутри себя картину мира, но картина эта всегда неполная: то, с чем мы не столкнулись в жизни, и то, о чем мы не прочитали (во времена кино, видео, интернета добавляются новые «окна») или не услышали, для нас не существует. Зато то, что, может быть, не существует (классические примеры – кентавры, единороги), симулякры разных сортов, в нашу картину мира входит. С этим приходится мириться – таковы особенности человеческой психики. И картина мира, которая была у Татьяны, сталкивается с онегинской картиной. Своего рода когнитивный диссонанс, который у Онегина выразился в задергивании полки с книгами «траурной тафтой», разрешается у Татьяны замужеством. Пушкин был удивлен (по литературной традиции, Татьяна должна была утопиться в ближайшем пруду) этим замужеством, а оно означало просто преодоление неполноты ранней картины мира у Татьяны. В романе она оказалась самой способной ученицей.

Судя по тому, что Татьяну Ларину без всякой иронии Пушкин называет идеалом, такое неформальное образование – на стыке природы, книг и общения – он вполне мог считать наилучшим.

Подводя итоги, обозначим основные тенденции в отношении к образованию, которые, так или иначе, отразились в классической русской литературе. На наш взгляд, они сводятся к следующему.

1. *Уважение к ценностям просвещения (и Просвещения тоже).* Эта тенденция связана с традицией европейских просветителей, с XVIII веком, в русской культуре – с Ломоносовым, Новиковым, Фонвизиным, частично – с Державиным, Радищевым, Карамзиным. Если смотреть с точки зрения «больших» стилей, это представители классицизма и сентиментализма. Несомненно, Пушкин испытал влияние просветителей; во всяком случае, ценности просвещения как такового он не ставит под сомнение.

2. *Антипросветительский пафос.* Это состояние чувствуется у романтиков-иррационалистов, врагов любого вида прогресса, сожалеющих о том, что героические и поэтические времена безвозвратно прошли. В свое время мы подробно разбирали стихотворение Е.Баратынского «Поэт» [11], в котором ярко сформулирована данная точка зрения. В области мысли в России такими романтиками были славянофилы. Пожалуй, такая точка зрения Пушкину чужда.

3. *Культ «простого» (то есть необразованного) человека.* В Европе этот культ, у истоков которого стоит Ж.-Ж.Руссо (по какому-то недоразумению до сих пор числящийся среди просветителей), – порождение сентиментализма. Воспитание – лучшее образование, а из всех его видов лучшее – воспитание непосредственно природой. В соответствии с этой точкой зрения, Маугли, Тарзан и Крокодил Данди, потомки куперовских индейцев и жюльверновского Талькава находятся в теснейшем родстве с карамзинской Лизой, лермонтовской Бэлой и купринской Олесей. Эту тенденцию Пушкин вывернул наизнанку в «Барышне-крестьянке» и едва ли когда-нибудь относился к ней серьезно (может быть, исключая симпатию к языку «московских просвирен»).

4. *Ирония по отношению к формальному образованию.* Здесь мы находим удивительное единодушие почти у всех писателей – от Пушкина и Гоголя до Чехова. В их произведениях русские институты образования, особенно начальная и средняя школа, но также и высшая – всегда предмет в лучшем случае иронии, в худшем – обличения и ненависти. Впрочем, легко можно найти проявления аналогичного отношения и в европейской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пугач В.Е.* Онегин, или О воспитании: педагогический дискурс в романе А.С.Пушкина // Педагогика. 2023. № 6. С. 61–66.

2. *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. Книга первая. СПб., 1995. 431 с. (Жизнь гениев в 5 т. Т. 1).

3. *Писарев Д.И.* Сочинения в 4-х тт. Т. 1. М., 1956. 571 с.

4. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб.,1999. 928 с.

5. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинение в 9-ти тт. Т. 3. М.,1954. 480 с.

6. *Лотман Ю.М.* Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л.,1983. 416 с.

7. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в 6-ти тт. Т. 5. М., 1959. 576 с.

8. *Коменский Я.А.* Материнская школа. М., 1947. 104 с.

9. *Константинов Н.А.* и др. История педагогики: Учебник для студентов пед. инстов / Н.А.Константинов, Е.Н.Медынский, М.Ф.Шабаева. 5-е изд., доп. и перераб. М., 1982. 447 с.

10. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. СПб.,1994. 336 с.

11. *Куцевалов Н.А., Пугач В.Е.* Междисциплинарный подход к анализу поэтического текста // Педагогика. 2021. № 9. С. 61–72

Дата поступления – 10.11.2024

Discourse of education in the novel "Eugene Onegin"

Vadim E. Pugach – Cand. Sci. (Pedagogics), Associate Professor at the Institute of Pedagogy of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); v.pugach@mail.ru

Abstract. *In the article, the text of the novel "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin is considered through pedagogical optics. Using the example of images of key characters – Onegin, Lensky and Tatiana, the author focuses on Pushkin's attitude to various educational forms and their role in cultivating the personality.*

Key words. *Formal education, upbringing, educational environment, self-education, romanticism, sentimentalism, reading.*

REFERENCES

1. *Pugach V.E.* Onegin, ili O vospitanii: pedagogicheskij diskurs v romane A.S.Pushkina [Onegin, or On education: pedagogical discourse in the novel by A.S. Pushkin]. Pedagogika [Pedagogy]. 2023. No. 6. P. 61–66.

2. *Veresaev V.V*. Pushkin v zhizni: Sistematicheskij svod podlinny`x svidetel`stv sovremennikov. Kniga pervaya [Pushkin in life: A systematic set of authentic testimonies of contemporaries. The first book]. *St. Petersburg, 1995. 431 p. (Zhizn` geniev v 5 t. T. 1* [The Life of geniuses in 5 volumes. Vol. 1]).

3. *Pisarev D.I.* Sochineniya v 4-x tt. T. 1 [Works in 4 volumes. Vol. 1]. Moscow, 1956. 571 p.

4. *Nabokov V.V.* Kommentarij k romanu A.S.Pushkina «Evgenij Onegin» / Per. s angl. [Commentary on the novel by A.S.Pushkin "Eugene Onegin" / Transl. from English]. St. Petersburg, 1999. 928 p.

5. *Pushkin A.S.* Polnoe sobranie sochinenie v 9-ti tt. T. 3 [The complete work in 9 volumes. Vol. 3]. Moscow, 1954. 480 p.

6. *Lotman Yu.M.* Roman A.S.Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij: Posobie dlya uchitelya [Pushkin's novel "Eugene Onegin". Comment: A teacher's manual]. Leningrad, 1983. 416 p.

7. *Gogol` N.V.* Sobranie sochinenij v 6-ti tt. T. 5. [Collected works in 6 volumes. Vol. 5]. Moscow, 1959. 576 p.

8. *Komenskij Ya.A.* Materinskaya shkola [Mother school]. Moscow, 1947. 104 p.

9. *Konstantinov N.A.* i dr. Istoriya pedagogiki: Uchebnik dlya studentov ped. in-tov / N.A.Konstantinov, E.N.Medy`nskij, M.F.Shabaeva. 5-e izd., dop. i pererab. [The history of pedagogy: Textbook for students of pedagogical institutes / N.A.Konstantinov, E.N.Medynsky, M.F.Shabaeva. 5th ed., supplement and revision]. Moscow, 1982. 447 p.

10. *Reale Dzh., Antiseri D.* Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashix dnej. I. Antichnost`[Western philosophy from the origins to the present day. I. Antiquity]. St. Petersburg, 1994. 336 p.

11. *Kucevalov N.A., Pugach V.E.* Mezhdisciplinarny`j podxod k analizu poe`ticheskogo teksta [An interdisciplinary approach to the analysis of a poetic text]. *Pedagogika* [Pedagogy]. 2021. No. 9. P. 61–72.

Submitted – 10.11.2024